

Санкт-Петербургский государственный университет

Кафедра гражданского процесса

Основания правопреемства в гражданском судопроизводстве

Выпускная квалификационная работа
студентки 2 курса магистратуры
очной формы обучения
Черепановой Дины Михайловны

Научный руководитель:
Старший преподаватель кафедры
кафедры гражданского процесса
Подвальный Игорь Олегович

Санкт-Петербург

2016 год

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Анализ существующего подхода к определению оснований процессуального правопреемства.....	5
Глава 2. Формирование концепции процессуального правопреемства на примере сингулярного материального правопреемства.....	12
§ 1. Пределы полномочий суда при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве.....	12
§ 2. Сущность договора уступки права в контексте оснований процессуального правопреемства.....	31
§ 3. Особенности перевода долга как основание материального правопреемства.....	37
§ 4. Теоретические подходы к определению оснований процессуального правопреемства.....	40
§ 5. Переход «процесса» как основание процессуального правопреемства.....	42
Заключение.....	50
Список использованной литературы.....	52

Введение

Согласно статье 44 Гражданского процессуального кодекса РФ в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) суд допускает замену этой стороны ее правопреемником. Правопреемство возможно на любой стадии гражданского процесса. Все действия, совершенные до вступления правопреемника в процесс, обязательны для него в той мере, в какой они были бы обязательны для лица, которое правопреемник заменил. На определение суда о замене или об отказе в замене правопреемника может быть подана частная жалоба¹.

Регулирование института процессуального правопреемства в гражданском процессе ограничивается нормой приведенной статьи.

Из приведенной нормы следует, что законодатель при регулировании процессуального правопреемства исходит из того, что процессуальное правопреемство является органичным продолжением материального правопреемства. Действующее процессуальное законодательство достаточно четко указывает на факты материального правопреемства как на основания правопреемства процессуального.

С одной стороны, следует иметь в виду, что указанное обстоятельство естественным образом отражает закономерность более общего плана, согласно которой все процессуальные нормы и институты призваны обеспечивать реализацию норм гражданского права.

С другой стороны, отсутствие детального урегулирования института процессуального правопреемства и указание только на материальные основания для правопреемства говорит о том, что законодатель не наделяет основания для

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ// Собрание законодательства Рос. Федерации. - 2002.- № 46.- ст. 45322

процессуального правопреемства специфическими признаками, которые бы имели самостоятельный характер.

Однако необходимо поставить вопрос о том, насколько выработанная концепция законодателя в отношении оснований процессуального правопреемства непротиворечива по своей сути, и не создает ли такой подход определенных проблем в практике применения норм о процессуальном правопреемстве.

Целью данной работы является попытка ответить на поставленные вопросы, а также выявить специфические признаки, которые характеризуют основания процессуального правопреемства и отличают этот институт от материального правопреемства.

Актуальность поставленного вопроса обусловлена тем, что данный вопрос не нашел своего широкого и глубокого изучения в юридической литературе. Существующие исследования, как правило, нацелены на анализ института процессуального правопреемства в общем виде и на попытку охарактеризовать этот институт через выработанные подходы к материальному правопреемству². Кроме того, такие работы основаны на толковании существующего нормативного регулирования института процессуального правопреемства без попытки подвергнуть критике выработанный подход, согласно которому основания для процессуального и материального правопреемства отождествлены.

Отсутствие однозначного понимания специфики оснований для процессуального правопреемства ведет к проблемам в судебной практике. Концепция, при которой основания для процессуального правопреемства являются продолжением оснований для материального правопреемства ведет к противоречиям при решении вопроса о том, на каких именно основаниях суд должен разрешить вопрос о замене стороны в процессе.

² Высказанные по поводу правопреемства суждения в юридической литературе можно объединить в две основные группы, представляющие два основных подхода к идее правопреемства: транзитивности (переходности) и дискретности (непереходности) субъективных прав и правоотношений в процессе производного приобретения прав в гражданском обороте.

Глава 1. Анализ существующего подхода к определению оснований процессуального правопреемства

В настоящее время в законодательстве закреплена концепция, согласно которой основания, которые служат для осуществления судом процессуального правопреемства, совпадают с основаниями материального права. Такое же представление о процессуальном правопреемстве господствует в доктрине³.

На первый взгляд приведенная норма, содержащаяся в статье 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, не должна порождать какого-либо рода проблем: в гражданском процессе в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении суд допускает замену этой стороны ее правопреемником. Практика применения норм процессуального права выработала позицию, в соответствии с которой описанный порядок правопреемства работает и на этапе исполнительного производства, функционально составляющем одну из стадий цивилистического процесса.

Реализованный подход позволяет достичь вполне понятную цель: однажды возникшее процессуальное правоотношение продолжает свое развитие независимо от смены субъекта, являвшегося его участником; при этом нет никакой необходимости в выстраивании дополнительных процессуальных конструкций.

Проанализируем, насколько существующая концепция является непротиворечивой с точки зрения теоретического понимания оснований правоотношений.

Как известно, правовые нормы сами по себе не порождают, не изменяют и не прекращают гражданских правоотношений. Для этого необходимо наступление обстоятельств, предусмотренных правовыми нормами, которые называются юридическими фактами.

Под гражданскими юридическими фактами следует понимать обстоятельства, с которыми нормативные акты связывают какие-либо

³Гражданское процессуальное право: учеб./под ред. М. С. Шакарян. М.: Проспект, 2007.- 90 с.

юридические последствия: возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений⁴.

Таким образом, ввиду того, что юридические факты лежат в основе правоотношений и влекут за собой их установление, изменение или прекращение, их называют основаниями гражданских правоотношений.

В норме, регулирующей процессуальное правопреемство, к основаниям возникновения соответствующих правоотношений отнесены следующие юридические факты: смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах.

Надо отметить, что при этом перечень юридических фактов как оснований для процессуального правопреемства законодателем оставлен открытым.

Используемая в статье 44 ГПК РФ фраза "другие случаи перемены лиц в обязательствах" не является удачной, так как иных оснований перемены лиц в обязательствах, кроме уступки права требования, перевода долга и суброгации, Гражданский кодекс РФ не знает. Следовательно, имеется в виду не перемена лиц в обязательстве, а перемена лиц в правоотношении.

Однако, прямой связи между этими основаниями и процессуальным правопреемством не устанавливается. Другими словами, сам по себе факт смерти гражданина, реорганизация юридического лица и т.д. не влекут за собой процессуального правопреемства – для него необходимы замена лица в соответствующем материальном правоотношении и соответствующие процессуальные действия, в частности заявление ходатайства и вынесение определения о замене.

Можно отметить, что в статье 44 Гражданского процессуального кодекса РФ, регулирующей правопреемство в гражданском процессе, указано, что такую замену производит суд. Однако, из текста указанной нормы не следует, что законодатель наравне с материальными основаниями включил в основание для процессуального правопреемства также и факты процессуального характера.

⁴Гражданское право. Часть 2 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997. С. 542.

Также подчеркнем, что, устанавливая основания процессуального правопреемства, законодатель не уточнил правовое значение волеизъявления спорящих сторон при вынесении судебного акта о процессуальном правопреемстве.

Это подводит нас к тому, что для процессуального правопреемства необходимы свои основания, которые не будут лишь продолжением оснований материального правоотношения, а будут иметь свои характерные признаки, обусловленные тем, что спорное правоотношение, в котором произошло выбытие одной из сторон, уже стало предметом рассмотрения в судебном процессе.

Не оспаривая очевидную взаимосвязь между материальным и процессуальным правопреемством, хотим лишь подчеркнуть, что в силу различия между материальными и процессуальными отраслями права основания для замены в правоотношениях, которые складываются вне судебного процесса и в судебном процессе, не могут совпадать полностью, так как это предусмотрено существующей концепцией, закрепленной в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации.

Процессуальное правопреемство является институтом процессуального права, поэтому должно основываться на процессуальных положениях.

Для выявления отличительных признаков оснований для процессуального правопреемства обратимся к вопросу о том, исходя из каких предпосылок то или иное лицо является участником процесса.

В соответствии со ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов вправе именно заинтересованное лицо. Таким образом, именно интерес и воля служат предпосылкой для участия в судебном процессе.

С этой точки зрения важно, что обращающийся в суд считает себя обладателем нарушенного или оспариваемого права или иначе – юридического интереса. Определяющим моментом в правовом положении участника судебного

процесса играет мотив его участия, который в свою очередь, зависит от того, имеется или отсутствует юридический интерес к делу.

Под юридическим интересом к делу (юридической заинтересованностью в деле) понимается основанный на законе ожидаемый правовой результат, который должен наступить для заинтересованного лица в связи с рассмотрением и разрешением дела⁵.

При этом важно подчеркнуть, что юридический интерес к делу это не только ожидание определенного правового результата от процесса, но также и мотив, который побуждает заинтересованное лицо участвовать в судебном разбирательстве при разрешении спора – субъективная направленность.

При этом обязательное наличие юридического интереса справедливо как для истца, так и для ответчика. Так, юридическая заинтересованность лица, участвующего в деле, порождает для него определенный процессуальный интерес, для реализации которого лицо и вступает в процесс. Да, можно отметить, что ответчик, в отличие от истца, вступает в процесс властью суда. Однако, это не говорит о том что он не имеет процессуального интереса в рассматриваемом деле. Процессуальный интерес истца – принятие судом судебного акта об удовлетворении иска, для ответчика, соответственно – ожидание судебного акта об отказе в иске.

Подводя итог приведенным размышлениям, можно сделать вывод о том, что именно юридический интерес является предпосылкой участия определенного лица в гражданском судебном процессе.

Вернемся к вопросу об основаниях процессуального правопреемства.

На основании сделанных выводов о том, что предпосылкой участия в деле является юридический интерес, продолжая эту мысль, необходимо отметить, что, выбывая из материального правоотношения, являющегося предметом судебного рассмотрения, лицо теряет процессуальный интерес к окончательному итогу такого рассмотрения.

⁵ Вукот М. А. Гражданский процесс: Курс лекций /Министерство общего и профессионального образования РФ. Саратовская государственная академия права.-учеб.изд.-Саратов, 1998. – 336 с.

В то же время правопреемник, который является предполагаемым субъектом спорного материального правоотношения, становится заинтересован в результате судебного процесса.

Однако категория субъективной заинтересованности не нашла свое воплощение при нормативном регулировании института процессуального правопреемства.

Наглядно продемонстрировать то, к каким именно проблемам может привести существующий подход законодателя при регулировании оснований процессуального правопреемства, поможет обращение к судебной практике.

Решением Головинского районного суда города Москвы от 11.04.2013 года по делу № 33-6592/2016 иск Департамента жилищной политики и жилищного фонда города Москвы к физическим лицам К.А.Л., К.М.С., действующим за себя и в интересах несовершеннолетних К.А.А., К.С.А., К.С.А., К.Л.П., Г. о выселении удовлетворен.

Департамент жилищной политики и жилищного фонда города Москвы обратился в суд с заявлением о процессуальном правопреемстве, просил произвести замену истца его правопреемником – Департаментом городского имущества города Москвы.

Ходатайствуя о процессуальном правопреемстве, Департамент жилищной политики и жилищного фонда города Москвы ссылаясь на Постановление Правительства Москвы от 13 ноября 2014 года № 664-ПП "О реорганизации Департамента городского имущества города Москвы и изменении ведомственного подчинения отдельных государственных казенных учреждений города Москвы и государственных унитарных предприятий города Москвы" в соответствии с которым Департамент городского имущества города Москвы является правопреемником Департамента жилищной политики и жилищного фонда города Москвы.

Определением Головинского районного суда г. Москвы от 17 августа 2015 года по делу № 33-6592/2016 в удовлетворении заявления о замене сторон правопреемником отказано.

Отказывая в удовлетворении заявления о замене сторон правопреемником, суд первой инстанции исходил из того, что собственником спорного жилого помещения на момент рассмотрения заявления является Российская Федерация, оснований для удовлетворения требований Департамент городского имущества города Москвы о процессуальном правопреемстве не имеется.

Оставим вопрос о том, насколько такой отказ в процессуальном правопреемстве обоснован. Но необходимо подчеркнуть следующее.

Если действительно ограничить основания процессуального правопреемства одними лишь юридическими фактами, которые лежат в основании материального правоотношения, то возникает проблема, при которой материальное правопреемство может быть оторвано от процессуального правопреемства.

В материальном правоотношении правопреемство состоялось, но суд такое правопреемство не утвердил.

Согласиться с таким положением мы категорически не можем. Потому что это ведет к моделированию двух параллельных реальностей: в материальном праве мы должны считать, что право перешло к Департаменту городского имущества города Москвы в связи с реорганизацией, однако стороной судебного процесса этот субъект так и не стал.

Таким образом, в первом приближении к проблеме, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, существующая концепция, согласно которой к основаниям процессуального правопреемства отнесены лишь материальные основания без учета процессуальных, является внутренне противоречивой. Материальное правопреемство, которое предположительно состоялось вне судебного процесса, может так и не повлечь правопреемства процессуального. Основаниями процессуального правопреемства должны иметь в том числе и процессуальный характер. Не отрицая того, что материальное и процессуальное правопреемство связаны, следует подчеркнуть, что это самостоятельно существующие категории отношений.

Во-вторых, в результате отказа судом в процессуальном правопреемстве первоначальный истец, выбывший из спорного правоотношения, становится ненадлежащим. Это приведет к тому, что судебный спор закончится отказом в удовлетворении исковых требований или невозможностью исполнения судебного решения.

Глава 2. Формирование концепции процессуального правопреемства на примере сингулярного материального правопреемства

§ 1. Пределы полномочий суда при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве

В предыдущей главе в первом приближении к проблеме оснований процессуального правопреемства нами сделан вывод о том, концепция процессуального правопреемства, в основе которой лежит тезис о том, что основанием процессуального правопреемства является материальное правопреемство, состоявшееся вне процесса, является внутренне противоречивой.

Развивая сделанный вывод, поставим следующий вопрос – действительно ли материальное право, которое является объектом судебного спора, может перейти вне процесса?

Ответ на этот вопрос поможет определить, какой законодательный подход при определении оснований процессуального правопреемства устранил бы обозначенные выше противоречия, которые ведут к тому, что процессуальное правопреемство оказывается разорванным с правопреемством материальным.

Кратко обозначим основные теоретические подходы, существующие в научной литературе, относительно сущности материального правопреемства.

Вопрос о том, как именно материальное правопреемство изменяет правоотношение, является дискуссионным.

Так, Б.Б. Черепяхин считает, что при переходе субъективного права или обязанности от правообладателя к правопреемнику происходит замена субъекта в изменяемом правоотношении. Характеризующим признаком такого правопреемства в отличие от первоначального правоприобретения является связь между приобретенным правом или обязанностью и первоначальным правоотношением⁶.

Полемизируя на эту тему с Б.Б. Черепяхиным, В.А. Белов рассуждает в следующем ключе. Обладатель всякого субъективного гражданского права может

⁶ Черепяхин, Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962.-161 с.

не только осуществить его, но и распорядиться им. Исходя из этой конструкции, передача вещи – это техническое средство достижения юридического результата, направленного на распоряжение правом собственности на данную вещь. Распоряжение же правом предполагает его прекращение у одного лица (распорядителя) и возникновение у другого лица, а не переход (передачу) права в его неизменном виде. Результатом правопреемства является не переход первоначального права (ибо тогда не появлялось бы второго правоотношения), а его прекращение, сопровождающееся возникновением нового права, составляющего содержание нового правоотношения⁷.

Вопрос о понятии материального правопреемства не является предметом нашего исследования. Поэтому при исследовании вопроса о процессуальном правопреемстве будем исходить из традиционного определения материального правопреемства, предложенного Б.Б. Черепахиным, в соответствии с которым правопреемство есть переход субъективного права от одного лица (правообладателя) к другому лицу (правопреемнику) в порядке производного правоприобретения (или в соответствующих случаях – производного приобретения правовой обязанности).

По общему правилу, могут переходить (передаваться) от правопредшественника к правопреемнику имущественные права, реализация которых не связана непосредственно с личностью носителя передаваемого права, и наоборот, имущественные права, реализация которых связана непосредственно с личностью их носителя, переходу в рамках правопреемства не подлежат.

Можно заметить, что в правилах о процессуальном правопреемстве нет положений, исключающих возможность перехода процессуальных прав (возможностей) и обязанностей (обременении) на других лиц по причине их неразрывной связи с личностью истца или ответчика.

Это можно объяснить тем, что по сравнению с материальными отношениями, которые, как правило, формируются с учетом индивидуальных особенностей субъектов, процессуальные связи имеют иное предназначение. Они

⁷Белов, В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве – М.: ЮрИнфоР, 2000. – 288 с

направлены на достижение объективных целей – на установление обстоятельств дела, их правовую квалификацию, разрешение спора о субъективных правах и обязанностях. Их степень индивидуальной привязанности в принципе не может быть такой, какая препятствовала бы правопреемству.

Однако, продолжая мысль о том, что процессуальное правопреемство является неразрывным с правопреемством материальным, отметим следующее. В том случае, когда личность заявителя в спорных правоотношениях неразрывно связана с личностью и не допускает материального правопреемства, то это естественным образом является также основанием для отказа в процессуальном правопреемстве.

Суд допускает процессуальное правопреемство тогда, когда сторона в процессе больше не является субъектом спорного материального правоотношения.

Рассмотрим более подробно полномочия суда при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве.

В статье 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации указано, что суд «допускает» замену выбывшей из спорного правоотношения стороны. Судебный акт, в форме которого принимается решение о процессуальном правопреемстве – определение. На этом законодательное регулирование полномочий суда при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве исчерпывается.

Встает обоснованный вопрос: каковы пределы полномочий суда при исследовании вопроса о том, действительно ли имел факт выбытия стороны, участвующей в процессе, из спорного правоотношения?

Поставленный вопрос был затронут в литературе, посвященной процессуальному правопреемству, однако широкого и глубокого анализа не получил.

Так, Д.Б. Абушенко указывает на то, что при обращении в суд с заявлением о правопреемстве лицом должны быть представлены доказательства, подтверждающие наличие оснований для его осуществления. В судебном заседании данные доказательства исследуются, и им дается оценка. Вопрос о

правопреемстве решается в судебном заседании, о времени и месте которого извещаются лица, участвующие в деле. При этом автор признает закономерным обращение в суд правопреемника в материальном правоотношении для производства замены стороны в процессе⁸.

Некоторые авторы сосредоточивают свое внимание на том, что при рассмотрении вопроса о правопреемстве суд должен проверить соответствие законодательству сделки, на основании которой требование перешло к новому кредитору⁹.

При этом приведенными авторами не затрагиваются вопросы разрешения спора о принадлежности права требования между правопреемником и правопреемником в рамках процессуального правопреемства, а также вопросы правового значения процессуального оформления вступления правопреемника в процесс.

Такой вопрос является особенно актуальным при оформлении сингулярного материального правопреемства.

Так, смоделируем ситуацию, при которой между правопреемником, который выступает истцом в судебном споре, и потенциальным правопреемником возник спор относительно заключенной между ними сделки по уступке права требования, выступающего объектом спорного правоотношения. Может ли суд разрешить вопрос о том, перешло ли право по такому договору в рамках рассмотрения заявления о процессуальном правопреемстве?

Приходько А.И. выдвигает точку зрения, согласно которой "разрешение вопроса о том, перешло или не перешло к лицу с точки зрения действительности и заключенности договора цессии то право, на котором оно основывает свое требование, невозможно путем рассмотрения заявления этого лица о процессуальном правопреемстве. В соответствии с указанной позицией лицо основывает на правопреемстве материально-правовое требование, и оно может

⁸ Абушенко Д.Б. Лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса // Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.В. Яркова. М., 2004. С. 115 - 118.

⁹ Добролюбов И.И. Процессуальный порядок замены стороны ее правопреемником // Современные проблемы юридической науки. Новосибирск, 2005. Вып. 5. С. 171 - 174.

быть заявлено им только в самостоятельном порядке путем предъявления соответствующего иска"¹⁰.

Автор обосновывает свою позицию тем, что в противном случае суд решал бы вопрос о материальном праве этого лица, в то время как оно к участию в деле не привлечено. По его мнению, невозможно рассмотрение вопроса о правах и обязанностях потенциального правопреемника как лица, не участвующего в деле, в силу того что оно не обладает какими-либо процессуальными правами. Кроме того, "процесс может быть "заблокирован" потоком заявлений от не участвующих в деле лиц, каждое из которых заявляло бы о правопреемстве". Исходя из этого, обратиться в суд с заявлением в порядке процессуального правопреемства может только лицо, участвующее в деле, т.е. первоначальная сторона в деле.

Такой вывод подразумевает полное отрицание возможности рассмотрения спора о материальном праве при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве. Сторонники данной точки зрения признают лишь возможность бесспорного осуществления замены стороны в порядке процессуального правопреемства при обращении правопреемника с заявлением.

В литературе существует и альтернативная точка зрения, согласно которой основанием процессуального правопреемства является исключительно согласованное волеизъявление заинтересованных лиц на замену стороны в процессе. Д.Б. Абушенко отмечает, что замена стороны исключительно по материально-правовым основаниям не учитывает интерес самих участников в уже возбужденном деле¹¹. Размышляя в таком ключе, исследователь приходит к нетрадиционному вводу о том, замена стороны в материальном правоотношении либо отсутствие такой замены не оценивается судом при осуществлении процессуального правопреемства.

Как указано выше, о замене сторон выносится определение. В силу особенного статуса суда как субъекта процесса, любой судебный акт есть акт правоприменения. Следует признать, что в основе правоприменительной

¹⁰ Приходько А.И. К вопросу о процессуальном правопреемстве // Закон. 2007. № 4. С. 112 - 118

¹¹ Абушенко, Д. Б. Согласованное волеизъявление заинтересованных субъектов как основание процессуального правопреемства в цивилистическом процессе//Арбитражный и гражданский процесс.- 2012.- № 4-6.

деятельности суда по разрешению вопроса о процессуальном правопреемстве лежит фактоустановление.

Подразумевает ли это, что суд в рамках реализации правоприменительных функций при принятии решения о процессуальном правопреемстве должен оценить действительность основания, которое лежит в основании материального правопреемства? Иначе говоря, вправе ли суд рассматривать вопрос о действительности договора уступки права, заключенного между предшественником и правопреемником и можно ли в такой форме разрешать вопрос о праве между цедентом и цессионарием?

В судебной практике нередки случаи, когда суд касается вопросов материально-правового характера между правопреемником и правопродшественником о принадлежности права требования в рамках вопроса о процессуальном правопреемстве. При этом суд допускает возможность рассмотрения таких вопросов в том же самом процессе, в котором рассматривается основной спор между первоначальными сторонами.

Наиболее наглядно осветить этот вопрос поможет обращение к судебной практике по делам о процессуальном правопреемстве при уступке права требования по кредитным договорам.

Так, ОАО «Плюс Банк» обратилось в Заречный районный суд Свердловской области с иском к физическим лицам Ш. и Ч. о взыскании задолженности по кредитному договору и обращении взыскания на заложенное имущество.

В суд подано заявление ООО «Апгрейд Авто Плюс» о замене истца на правопреемника ООО «Апгрейд Авто Плюс», с указанием на то, что истец – ОАО «Плюс Банк» уступило в полном объеме свое право требования к ООО «Апгрейд Авто Плюс» на основании договора цессии.

Заречным районным судом Свердловской области вынесено определение по делу № 33-7170/2015 об отказе в удовлетворении заявления ООО «Апгрейд Авто Плюс»¹².

¹²Определение Заречного районного суда Свердловской области по делу № 33-7170/2015 от 25 мая 2015 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Отказывая в удовлетворении заявления суд исходил из того, что сложившиеся между ОАО «Плюс Банк» и ответчиками правоотношения относятся к кредитным, для которых характерен особый субъектный состав. Поскольку кредитным договором не было предусмотрено право кредитора уступать право требования долга лицу, не имеющему лицензии Центрального Банка России, то нарушаются интересы ответчиков Ш. и Ч. как потребителей банковской услуги, поскольку личность кредитора для них имеет существенное значение.

С таким определением не согласился заявитель ООО «Апгрейд Авто Плюс», обратился с частной жалобой, в которой просит определение Заречного районного суда Свердловской области по делу № 33-7170/2015 отменить, произвести процессуальное правопреемство.

В жалобе заявитель ссылается на несогласие с выводами суда о том, что цессионарий обязан иметь банковскую лицензию. Считает, что договор цессии никем не оспорен, поэтому правопреемство возможно на любой стадии гражданского процесса.

Судебная коллегия по гражданским делам Свердловского областного суда согласилась с судом первой инстанции¹³.

При этом суд подчеркнул, что доводы частной жалобы о том, что договор цессии никем не оспорен, взыскание долга в судебном порядке не относится к банковским операциям, не могут быть приняты во внимание, так как основаны на неверном толковании норм материального и процессуального права.

Таким образом, при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве суд установил, что заключенный между ООО «Апгрейд Авто Плюс» и ОАО «Плюс Банк» договор нарушает права физического лица Ш.

Вывод о нарушении прав физического лица позволило суду отказать в процессуальном правопреемстве.

Тут необходимо отметить, что Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации не знает такого основания для отказа в процессуальном правопреемстве как установления факта нарушения прав ответчика. Основанием

¹³ Определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда по делу № 33-7170/2015 от 18 июня 2015 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

для отказа в процессуальном правопреемстве может служить лишь установление судом факта того, что правопродшественник так и не выбыл из спорного правоотношения.

Это подводит нас к вопросу о том, каковы юридические последствия отказа суда в процессуальном правопреемстве для договора цессии, заключенного между ООО «Апгрейд Авто Плюс» и ОАО «Плюс Банк»? Как отмечалось нами выше, ситуация при которой мы считаем, что право требования с точки зрения материальных отношений перешло от правопродшественника к правопреемнику, но такой переход прав по действительному договору так и не стал основанием для процессуального правопреемства недопустима, так как разрывает естественную взаимосвязь между материальным и процессуальным правопреемством.

В Определении Заречного районного суда Свердловской области по делу № 33-7170/2015 прямо не указано на то, что суд, отказывая в процессуальном правопреемстве, применяет последствия недействительности ничтожной сделки.

Необходимо проанализировать насколько отсутствие такого вывода является намеренным и обусловленным пределами полномочий суда при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве.

Рассматривая вопрос о процессуальном правопреемстве и устанавливая факт выбытия ООО «Апгрейд Авто Плюс» из спорных правоотношений, суд сослался на пункт 2 статьи 388 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой не допускается без согласия должника уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника.

В рассматриваемом деле Заречный районный суд Свердловской области и Судебная коллегия по гражданским делам Свердловского областного суда сделали вывод о том, что личность кредитора при заключении кредитного договора имеет значение. При этом согласие должника, которым является физическое лицо Ш., так и не было получено. Таким образом, продолжая выводы суда, можно констатировать, что договор цессии, заключенный между ООО «Апгрейд Авто Плюс» и ОАО «Плюс Банк», нарушает закон.

Статья 168 Гражданского кодекса Российской Федерации в редакции, действующей до 01.09.2013 года, которая подлежит применению к рассматриваемым правоотношениям, предусматривала, что сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения.

Кроме того, Гражданский кодекс Российской Федерации в предыдущей редакции предусматривал, что суд вправе применить последствия недействительности ничтожной сделки по собственной инициативе.

Таким образом, у суда имелись основания материального характера для того, чтобы сделать вывод о том, что отсутствие согласия физического лица Ш. на заключение договора уступки права требования между ООО «Апгрейд Авто Плюс» и ОАО «Плюс Банк» привело к недействительности такого договора и применить последствия недействительности ничтожной сделки.

Однако, применить последствия недействительности ничтожной сделки возможно только в рамках рассмотрения спора о праве между ООО «Апгрейд Авто Плюс» и ОАО «Плюс Банк».

При этом стоит отметить, что в настоящее время в Гражданском кодексе Российской Федерации в пункте 2 статьи 382 ГК РФ сформулировано специальное правило относительно договора цессии: если первоначальным договором был предусмотрен запрет уступки, сделка по уступке может быть признана недействительной по иску должника только в случае, когда доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать об указанном запрете.

Таким образом, с учетом изменений, внесенных в Гражданский кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 07.05.2013 года № 100-ФЗ, согласно которым сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, правопреемнику, вступающему в судебный процесс на основании договора уступки права требования, не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о правопреемстве, пока такой договор не будет оспорен в надлежащем порядке.

Именно таким образом и был разрешен вопрос о процессуальном правопреемстве в Апелляционном определении от 20 августа 2014 года по делу № 33-671, вынесенном Верховным судом Республики Алтай¹⁴.

Так, отменяя судебный акт первой инстанции об отказе в удовлетворении заявления о процессуальном правопреемстве, Верховный суд Республики Алтай сделал следующие выводы.

Суд указал на то, что Федеральным законом от 07.05.2013 года № 100-ФЗ "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" были внесены изменения в раздел I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации.

В частности, статья 168 Гражданского кодекса Российской Федерации была изложена в новой редакции, согласно которой сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Далее суд ссылается на введенную статью 173.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с положениями которой, сделка, совершенная без согласия третьего лица необходимость получения которого предусмотрена законом, является оспоримой, если из закона не следует, что она ничтожна или не влечет правовых последствий для лица, управомоченного давать согласие, при отсутствии такого согласия.

На основании положений статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ), статьи 173.1 ГК РФ суд сделал вывод о том, что договор уступки прав требований по кредитному договору лицу, не обладающему лицензией на осуществление банковской деятельности, не является ничтожной сделкой, а при определенных условиях лишь позволяет сделать вывод об оспоримости данной сделки.

¹⁴ Определение Верховного суда Республики Алтай делу № 33-671 от 20 августа 2014 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс

Ввиду того, что исковых требований о признании договора уступки прав требования в установленном порядке не заявлено, суд установил, что правовых оснований для отказа в замене взыскателя ОАО "Сбербанк России" его правопреемником ООО "ТРАСТ" у суда первой инстанции не имелось. Заявление ООО "ТРАСТ" о процессуальном правопреемстве было удовлетворено.

Это ведет нас к вопросу о том, является ли процессуальная форма разрешения заявления о правопреемстве спорной или бесспорной? То есть может ли в этой процессуальной форме рассматриваться вопрос о действительности юридического факта, которое служит основанием для правопреемства?

При разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве перед судом стоят следующие цели.

Во-первых, суд должен обеспечить, чтобы в деле участвовали надлежащие лица. Иначе говоря, задача суда состоит в том, что судебное разбирательство должно завершиться окончательным решением суда, которое бы соответствовало действительным материально-правовым отношениям сторон.

Во-вторых, при осуществлении правопреемства в судебном разбирательстве должны быть соблюдены гарантии для ответчика. Такие гарантии выражаются в защите от повторных судебных споров с правопреемниками истца в отношении одного и того же объекта, предмета и основания иска.

Проанализируем, каким образом суд может достичь поставленных целей.

С учетом того, что в основании процессуального правопреемства по действующему законодательству лежит правопреемство материальное, для того, чтобы осуществить замену правопреемника на правопреемника, нужно установить был ли действительным юридический факт в силу которого состоялось материальное правопреемство.

Однако, может ли такой факт материального правопреемства быть спорным? Или правопреемство допускается только в том случае, когда такой факт является бесспорным? Соответственно, в том случае, если такой факт оказывается спорным, то правопреемство по этому факту не допускается?

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит особых уточнений о порядке разрешения судом вопроса о процессуальном правопреемстве. Анализ непосредственно статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации позволяет сказать, что процедура разрешения вопроса о процессуальном правопреемстве сконструирована как бесспорная.

Иное предполагало бы появление в рамках основного процесса своего обособленного спора о праве. При этом разрешение спора о праве предполагает определенную процедуру. В частности, спор о праве возбуждается по исковому заявлению заинтересованной лица, участвующие в деле лица при разрешении такого спора обладают набором процессуальных гарантий, которые выражаются в принадлежащих им правах на ведение процесса, представление доказательств в обоснование своей правовой позиции, дачу объяснений суду, заявление различного рода ходатайств. В конце концов, рассмотрение спора о праве требует оплаты государственной пошлины.

Лицо, желающее вступить в процесс, не обладает правами лиц, участвующих в деле, перечень которых содержится в статье 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Соответственно, такое лицо лишено возможности донести до суда свою правовую позицию. Это значит, что стадия рассмотрения заявления о процессуальном правопреемстве не предполагает полноценного разрешения спора о праве.

Однако есть и другая сторона вопроса: стоит ли в форме процессуального правопреемства разрешение проблемы о достаточности, относимости, допустимости и достоверности представленных доказательств самого правопреемства? Полагаем, что на поставленный вопрос необходимо дать положительный ответ. Допуская замену стороны, суд должен установить факт выбытия стороны из спорного правоотношения. Иной подход предполагал бы осуществление правопреемства в заявительном порядке.

Факт выбытия стороны из спорного правоотношения возможно только путем оценки представленных доказательств правопреемства.

Кроме того, определение о правопреемстве представляет из себя акт правоприменения (акт применения права), который может быть обжалован. Таким образом, в предмет обжалования войдет вопрос о надлежащей или ненадлежащей замене, которая будет основана во всяком случае на представленных доказательствах правопреемства.

Тут необходимо поставить вопрос о том, а кто может быть инициатором процессуального правопреемства? Закон не исключает того, что это может быть как лицо, участвующее в деле, которое полагает себя выбывшей из спорного материального правоотношения, так и лицо, не участвующее в деле, но полагающее, что стало стороной спорного материального правоотношения.

Примем ли мы доказательство правопреемства в процесс как допустимое и полученное без нарушений закона от потенциального правопреемника с учетом того, что он лицом, участвующим в деле, не является? Полагаем, что принятие доказательств правопреемства от правопреемника является исключительным случаем, когда доказательство поступает в процесс от лица, не имеющего на момент представления такого доказательства, регламентированный статус в судебном процессе. Иное бы предполагало, что возможность вступления правопреемника в судебный процесс находится полностью в воле правопреемника, участвующего в деле. При возникновении спора между правопреемником и правопреемником доступ в процесс мог быть заблокирован для лица, полагающего себя стороной спорного материального правоотношения. Позиция, при которой суд отказывается принимать доказательства правопреемства от лица, желающего вступить в процесс, только лишь на том основании, что оно не является лицом, участвующим в деле, привела бы к тому, что такая блокировка доступа к процессу стала бы непреодолимой.

Итак, как было отмечено выше, суд должен дать оценку юридическому факту, который послужил основанием для правопреемства, но процедура разрешения вопроса о процессуальном правопреемстве, закрепленная в статье 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, не предполагает разрешение спора о праве.

Тем не менее, такой вывод не отвечает в полной мере на вопрос о пределах полномочия суда при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве в том случае, когда основанием правопреемства выступает договор уступки права требования (цессии).

В продолжение затронутой темы интересной представляется позиция суда, приведенная в Определении Ярославского областного суда от 31 января 2011 г. по делу № 33-551/2011.

Кировским районным судом города Ярославля от 06.09.2010 года удовлетворены иски о возмещении материального ущерба в размере 15500 рублей. Решение вступило в законную силу 22.10.2010 года.

20.10.2010 года между ООО "Фирма Веста" и ЖСК "Твердино" заключен договор уступки права требования, по которому право требования долга Д. в сумме 15500 рублей передано ЖСК "Твердино".

ЖСК "Твердино" обратилось в суд с заявлением о замене взыскателя ООО "Фирма Веста" на ЖСК "Твердино", ссылаясь на заключенный договор уступки права требования.

Суд первой инстанции отказывал в удовлетворении заявления о правопреемстве, исходя из следующего¹⁵. Договор цессии заключен ООО "Фирма Веста" и ЖСК "Твердино" в отношении долга Д. до вступления решения суда от 06.09.2010 года, то есть ранее, чем у ООО "Фирма Веста" возникло право требования по обязательству Д., установленному данным судебным решением.

Судебная коллегия Ярославского областного суда отменила определение об отказе в процессуальном правопреемстве¹⁶.

В основании такой отмены легли следующие выводы суда. Уступка требования относится к одному из случаев материального правопреемства, которые влекут процессуальное правопреемство. При этом основанием процессуального правопреемства при уступке требования является сама сделка

¹⁵ Определение Кировского районного суда города Ярославля по делу № 33-551/2011 от 10 января 2011 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»

¹⁶ Определение Ярославского областного суда по делу № 33-551/2011 от 31 января 2011 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»

уступки требования безотносительно к юридической действительности основного обязательства. При разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве значение имеет лишь соблюдение императивно установленных законом норм, касающихся цессии: о недопустимости уступки (пункта 2 статьи 382, статьи 383 Гражданского кодекса Российской Федерации), о форме уступки (статья 389 Гражданского кодекса Российской Федерации). Несоблюдение данных требований закона исключает процессуальное правопреемство.

Судебная коллегия Ярославского областного суда указала, что договор об уступке права требования от 20.10.2010 года, заключенный между ООО "Фирма Веста" и ЖСК "Твердино", соответствует требованиям пункта 2 статьи 382, статей 383, 389 Гражданского кодекса Российской Федерации. Далее суд подчеркнул, что на момент обращения ЖСК "Твердино" с заявлением о процессуальном правопреемстве в суд произошла замена в материальном правоотношении, поэтому заявление ЖСК "Твердино" подлежит удовлетворению.

В приведенном примере суд первой инстанции посчитал, что юридический факт, который послужил бы основанием для процессуального правопреемства, не являлся действительным. Цедент передал цессионарию право, которым он не обладал на момент совершения такой сделки. Это послужило основанием для отказа в процессуальном правопреемстве.

Суд второй инстанции указал, что установление факта принадлежности передаваемого cedentом права не должен быть предметом рассмотрения суда при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве.

Рассмотрим приведенные выводы судов подробнее.

Проанализируем, возможно ли передать право, являющееся предметом спора, вне судебного процесса.

Согласно существующей концепции процессуального правопреемства, в соответствии с которой в основе процессуального правопреемства лежит материального правопреемство, должен иметь место переход прав от одного участника правоотношений к другому. Иначе говоря, суд должен определить,

действительно ли имел место быть такой юридический факт как заключение договора уступки права.

Допустим, что в качестве основания процессуального правопреемства действительно выступает состоявшийся вне процесса переход материального права.

Ранее в работе было отмечено, что о замене стороны суд выносит определение, которое является правоприменительным актом. В основе такого судебного акта должно лежать фактоустановление. Предполагает ли такое фактоустановление при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве установление надлежащей стороны спора?

Должен ли суд устанавливать внутренние отношения cedentia и цессионария, правопродшественника и правопреемника? Что значит для суда дать оценку такому юридическому факту как договор уступки права?

Если суд установит действительность договора цессии при решении вопроса о правопреемстве, он неминуемо разрешит спор по существу, ввиду того, что только существующее право может быть передано. Так, при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве суд должен установить факт принадлежности уступаемого права лицу, заключившему договор уступки права требования. Лицо не может передать то право, которое в действительности ему не принадлежит. Данный тезис будет рассмотрен более подробно в последующей части настоящей работы.

Суд может установить принадлежность передаваемого права не иначе как путем исследования и дальнейшей оценки обстоятельств, связанных непосредственно со спорным материальным правоотношением между истцом и ответчиком, которое является основным предметом судебного рассмотрения.

Это подводит нас к парадоксальному выводу: при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве, процедура принятия решения по которому сконструирована как бесспорная, суд должен будет дать оценку доказательствам, которые представлены истцом и ответчиком в рамках разрешения спора о праве.

В тоже время не пустить правопреемника в процесс также представляется невозможным. Как было отмечено выше, суд должен разрешить спор между надлежащими лицами. Если допустить, что переход права действительно состоялся, то отказ в правопреемстве приведет к тому, что в соответствии с судебным решением право будет присуждено не тому, кому оно в действительности может принадлежать.

Таким образом, если предположить, что материальное право, которое является предметом судебного разбирательства, может быть передано по договору уступки права требования вне процесса, то мы приходим к выводу о том, что разрешение спора о процессуальном правопреемстве приведет к разрешению основного спора о праве. С учетом того, что суд при оценке договора уступки права требования выясняет вопрос о наличии у истца передаваемого права, то неминуемо при рассмотрении ходатайства о процессуальном правопреемстве происходит фактоустановление, которое должно иметь место при разрешении основного спора о праве. И, если действительно такое ходатайство было удовлетворено, то спор между истцом и ответчиком предрешен. И, наоборот, если суд отказал в процессуальном правопреемстве в связи с тем, что истец на момент заключения договора уступки права не был субъектом передаваемого права, то можно ставить вопрос о том, что иски по основному спору так и не будут удовлетворены. Однако, очевидно, при таком подходе процессуальная форма, в рамках которой разрешается вопрос о праве между истцом и ответчиком, начинает конкурировать с процессуальной формой, в рамках которой разрешается вопрос о процессуальном правопреемстве.

Необходимо также обратить внимание и на права ответчика при рассмотрении вопроса о процессуальном правопреемстве.

В чем именно заключается интерес ответчика при заявлении возражений относительно процессуального правопреемства? Вправе ли ответчик возразить по материально-правовым основаниям иска, заявляя о том, что уступленного права не существует и, соответственно, несуществующее право не может быть передано?

Надо отметить, что в первую очередь, интерес ответчика заключается в том, чтобы оспорить само существование права истца, которое послужило основанием для предъявления исковых требований. Однако, едва ли его должны волновать действительность основания замены, поскольку ответчикам, по общему правилу, все равно кому платить. Ответчик даже может быть заинтересован в осуществлении правопреемства на стороне истца для защиты от тождественных исков правопреемников. Иначе говоря, интерес ответчика в рамках процессуального правопреемства состоит в том, чтобы по одним основаниям защищаться один раз, чтобы законная сила судебного решения распространялась и на правопреемника.

Таким образом, мы видим, что закрепленная в статье 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации концепция процессуального правопреемства, порождает множество недопустимых противоречий.

Если допустить, что спорное материальное право передается вне процесса, то при дальнейшем отказе суда в удовлетворении ходатайства о процессуальном правопреемстве, возникает ситуация двух параллельных правовых действительностей: в материальных правоотношениях право перешло, в процессуальных правоотношениях такого перехода не последовало.

При этом, с одной стороны, процедура процессуального правопреемства не предполагает разрешение спора о праве, а с другой стороны, суд обязан дать оценку представленным доказательствам материального правопреемства.

Наконец, в случае, когда основанием процессуального правопреемства выступает договор уступки права требования, то суд неминуемо при рассмотрении заявления о процессуальном правопреемстве будет вынужден разрешить вопрос о принадлежности уступаемого права истцу, что, по сути, предрешит исход основного дела.

Это приводит нас к вопросу о том, может ли в принципе в качестве основания правопреемства выступать уступка спорного материального права, которое стало предметом судебного разбирательства и было передано вне процесса? Постараемся далее ответить на поставленный вопрос.

§ 2. Сущность договора уступки права в контексте оснований процессуального правопреемства

Замена стороны в материальном правоотношении может иметь место в результате универсального или сингулярного правопреемства. Универсальный характер правопреемства состоит в том, что на правопреемника переходят имущественные права и обязанности предшественника в качестве единого комплекса. Как общее правило в российском законодательстве оно предусмотрено в случае наследования имущества и реорганизации юридических лиц. При сингулярном правопреемстве на правопреемника переходят отдельные права или обязанности предшественника. Это может происходить не только по закону, когда, например, на поручителя, исполнившего обязательство должника, переходят права кредитора, но и в силу соглашения сторон, например при уступке требования или переводе долга.

Проблемы существующей концепции определения оснований процессуального правопреемства, рассмотренные в предыдущих главах настоящей работы, характерны именно для сингулярного правопреемства, как наиболее спорной категории материального правопреемства.

Одним из оснований изменения лиц в обязательстве является отчуждение права требования, принадлежащее лицу, участвующему в судебном разбирательстве в соответствии со статьей 382 Гражданского кодекса Российской Федерации.¹⁷

Согласно традиционному подходу уступка права требования представляет из себя распорядительную сделку. Иначе говоря, это сделка по передаче имущества в виде права требования из состава имущества первоначального кредитора в состав имущества нового кредитора.

Исходя из буквального толкования статьи 1106 Гражданского кодекса Российской Федерации, цессия является абстрактной сделкой, так как данная статья предусматривает, что лицо, передавшее путем уступки требования или иным образом принадлежащее ему право другому лицу на основании

¹⁷Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ// Собрание законодательства Рос. Федерации. - 1994.- № 32.- ст.3031

несуществующего или недействительного обязательства, вправе требовать восстановления прежнего положения, в том числе возвращения ему документов, удовлетворяющих переданное право¹⁸. Это означает, что вопрос о действительности цессии не ставится в зависимость от обязательства, на основании которого совершается уступка требования.

Кроме того, уступка права требования является распорядительной сделкой потому, что как таковая не выступает основанием совершаемых действий, лишь "переносит" право к другому лицу.

Таким образом, уступка права требования представляет собой способ исполнения должником обязанности перенести право на кредитора и разграничивается с тем обязательством, во исполнение которого она совершается¹⁹. С точки зрения материального правопреемства цессия влечет переход передаваемого материального права от одного кредитора (правопредшественника) к другому кредитору (правопреемнику).

В предыдущей главе мы поставили следующий вопрос: есть ли разница между отчуждением права требования, совершенным исключительно в материальных правоотношениях, и отчуждением права, являющегося предметом судебного спора. Можно ли передать то, чем в действительности не владеешь сам? Какова правовая сущность сделки, при которой кредитор передает право, существование которого не установлено?

Обратимся к тому, как этот вопрос разрешается в судебной практике.

ЗАО "ТУСАРБАНК" обратилось в Никулинский районный суд города Москвы с исковыми требованиями к физическим лицам Ш., Н.Л., К. о солидарном взыскании суммы основного долга.

15.01.2015 года ООО "КА "Сакура" обратилось в суд с заявлением о процессуальном правопреемстве, указывая на то, что между ООО "КА "Сакура" и ЗАО "ТУСАРБАНК" заключен договор уступки права требования (цессии),

¹⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ// Собрание законодательства Рос. Федерации. - 2001.- № 49.- ст. 4552. - (с изм. и доп. на 01.07.2015).

¹⁹ Васнев В.В. Уступка прав из обязательств, которые возникнут в будущем // Право. 2008. N 5. С. 12 - 16.

согласно условиям которого, ЗАО "ТУСАРБАНК" передало, а ООО "КА "Сакура" приняло все права требования к физическим лицам Ш., Н.Л. и К.

Представитель ЗАО «ТУСАРБАНК» не возражал против удовлетворения заявления о процессуальном правопреемстве и подтвердил действительность заключенного договора цессии. Ответчики заявили возражения против процессуального правопреемства.

Никулинским районным судом города Москвы было вынесено Определение от 01 апреля 2015 по делу № 33-22422 о замене ЗАО «ТУСАРБАНК» на ООО "КА "Сакура"²⁰.

Московский городской суд Апелляционным определением от 26 июня 2015 года по делу № 33-22422 оставил судебный акт Никулинского районного суда о замене истца без изменения на основании следующих доводов²¹.

Как указано в договоре цессии, заключенном между ЗАО «ТУСАРБАНК» и ООО "КА "Сакура", такой договор вступил в силу в момент его подписания сторонами. К договору об уступке прав требования приложен акт приема-передачи, подписанный сторонами, а также платежное поручение о перечислении ООО "КА "Сакура" на счет ЗАО "ТУСАРБАНК" денежных средств за уступаемое право.

Оценивая доводы ответчиков, изложенные в частной жалобе на Определение Никулинского районного суда города Москвы от 01 апреля 2015 по делу № 33-22422 о том, что на момент вынесения решения о процессуальном правопреемстве ЗАО "ТУСАРБАНК" не обладал своими правами в отношении ответчиков, суд апелляционной инстанции указал следующее.

Предмет рассматриваемого договора уступки права требования был определен его сторонами в соответствии со статьей 382 и статьей 432 Гражданского кодекса Российской Федерации. Представленные в материалы дела документы, свидетельствуют о наличии определенности между cedentом и цессионарием относительно предмета соглашения. Указанная в договоре сумма

²⁰Определение Никулинского районного суда города Москвы по делу № 33-22422 от 01 апреля 2015 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»

²¹Определение Московского городского суда по делу № 33-22422 от 26 июня 2015 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

позволяет сделать вывод об уступке истцу права на взыскание суммы по кредитному договору и договорам поручительства, в связи с несвоевременным возвращением ответчиками денежных средств.

Договор уступки права требования никем не оспорен, недействительным и незаключенным не признан.

Далее Московским городским суд был сделан следующий вывод. Договор об уступке права требования, предметом которого является не возникшее на момент заключения данного договора право, не противоречит законодательству. Поэтому оснований для отказа в удовлетворении заявления о процессуальном правопреемстве у суда первой инстанции не имелось.

Тогда, когда уступаемое право является предметом судебного разбирательства, то лицо, передающее такое право, является не иначе как предполагаемым обладателем такого права. Предполагаемым такое право делает наличие ответчика – лица, отрицающего передаваемое право перед лицом суда и представляющего соответствующие доказательства в пользу такого отрицания.

Позволим себе не согласиться с выводом, сделанным Московским городским судом в связи со следующим.

Сущность распорядительной сделки в отличие от обязательственной состоит в том, что по распорядительной сделке невозможно передать вещь (равно как и право), если лицо не обладает ими на момент заключения такой сделки. Применительно к цессии исследователи отмечают, что продажа будущего права требования возможна только, если рассматривать договор не как саму уступку – распорядительный договор, но как обязательственный договор купли-продажи права. Для распорядительного договора необходимо наличие права на распоряжение²².

Первоначальный истец не вправе передать по распорядительной сделке право, которое ему не принадлежит.

Уступаемое право перестает быть спорным и может считаться принадлежащим истцу только с момента вынесения судебного решения по

²²Бекленищева, И.В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции, М.: Статут, 2006.- с. 114-116.

удовлетворению исковых требований. Кроме того, необходимо отметить, что в удовлетворении иска может быть отказано, и, соответственно, фактическая передача права от правопродшественника к правопреемнику может так и не состояться. Даже в том случае, если иск будет признан ответчиком, право не перестанет быть предполагаемым до момента разрешения судом спора о праве между истцом и ответчиком, то есть до момента при котором правоотношение не перестанет находиться в состоянии «нарушенности».

Это подводит нас к проблеме об ответственности лица, передавшего предполагаемое право. Насколько справедливо ставить вопрос о том, что отказ суда в удовлетворении исковых требований есть ненадлежащее исполнение цедентом перед цессионарием обязательства, вытекающего из договора уступки права требования? Иначе говоря, должен ли первоначальный истец, уступивший «воображаемое» право, отвечать за его недействительность в соответствии со статьей 390 Гражданского кодекса Российской Федерации в случае, если правопреемнику было отказано в удовлетворении иска к ответчику?²³

Если расценивать уступку предполагаемого права как обычную гражданско-правовую сделку, то необходимо отметить, что гарантии соблюдения интересов цессионария при заключении договора уступки права в ходе процесса не должны быть отличными от гарантий, соблюдение которых предусмотрено для цессионария в рамках материальных отношений.

Однако, как отмечалось в настоящей работе, уступка права в ходе процесса имеет свои отличия по сравнению с обычной цессией. Поэтому при ответе на поставленный вопрос об ответственности цедента перед цессионарием необходимо учитывать, что в удовлетворении исковых требований может быть отказано по разным причинам, не всех из которых вызваны неправомерными действиями самого цедента – начиная от истечения срока исковой давности (о котором цессионарий при уступке права может быть как уведомлен, так и нет) и заканчивая неграмотным ведением дела самого правопреемника.

²³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ// Собр. Законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. ст. 3301.

Это ведет нас к выводу о том, что сам по себе переход материального права вне процесса не может считаться основанием процессуального правопреемства. Более того, материальное правопреемство может наступить только после вынесения судом решения по существу основного спора. Потому что только с этого момента уступаемое право перестает быть спорным и становится подтвержденным. Если же искивые требования так и не были удовлетворены, то правопреемник не станет субъектом права, в отношении которого заключена сделка по уступке права требования.

До тех пор, пока передаваемое право является предметом судебного разбирательства, можно говорить только лишь о распоряжении предполагаемым правом требования. Материальное правопреемство может состояться только перед «лицом» суда после удовлетворения ходатайства о процессуальном правопреемстве.

При этом ответить на вопрос о том, действительно ли состоялся такой переход права от правопреемника к правопреемнику, суд может не иначе как при разрешении вопроса о принадлежности передаваемого права истцу. Итогом рассмотрения такого вопроса будет разрешение спора о праве между истцом и ответчиком. Предрешение исхода основного дела при рассмотрении вопроса о процессуальном правопреемстве, как отмечалось в предыдущей главе, недопустимо.

Рассмотренные в настоящей главе проблемы, возникающие при определении того, какой юридический факт является основанием процессуального правопреемства на примере уступки права требования приводят нас к необходимости поиска более состоятельной концепции основания процессуального правопреемства, по сравнению с той концепцией, которая закреплена в статье 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

§ 3. Особенности перевода долга как основание материального правопреемства

В предыдущей главе нами были рассмотрены особенности оснований процессуального правопреемства при уступке права требования.

Помимо процессуального правопреемства на стороне истца, правопреемство в процессе может также иметь место и на стороне ответчика при переводе долга.

Перевод долга выступает правовой формой, опосредующей замену пассивной стороны в обязательстве. В соответствии с устоявшимся в литературе подходом договор о переводе долга является двусторонней распорядительной сделкой, заключаемой во исполнение существующего между сторонами обязательственного договора.

В соответствии с п. 2 статьи 391 Гражданского кодекса Российской Федерации перевод должником своего долга на другое лицо допускается с согласия кредитора и при отсутствии такого согласия является ничтожным.

Если кредитор дает предварительное согласие на перевод долга, этот перевод считается состоявшимся в момент получения кредитором уведомления о переводе долга.

Таким образом, для перевода долга по действующему законодательству необходимы три акта: волеизъявление должника перевести долг, волеизъявление кредитора на замену должника, а также волеизъявление "другого лица" на принятие долга²⁴.

В рамках судебного разбирательства это означает, что правопреемник на стороне ответчика может вступить в процесс при согласии истца. Это приводит нас к вопросу о том, каким образом необходимость получения такого согласия соотносится с основанием процессуального правопреемства на стороне ответчика.

Если придерживаться действующей концепции процессуального правопреемства, согласно которой основанием такого правопреемства является переход обязанности в материальном правоотношении, то необходимо отметить,

²⁴Белов В.А. Договор перевода долга по российскому гражданскому праву // СПС "КонсультантПлюс", 2000

что такой переход состоится не раньше, чем истец выразит свою волю на замену ответчика в судебном процессе.

Статья 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не содержит уточнений о том, в каком порядке истец, будучи кредитором по передаваемому обязательству, может выразить свою волю на замену должника, к которому он предъявил исковые требования. Однако, необходимо отметить, что с того момента как передаваемая обязанность стала предметом судебного рассмотрения, воля истца как кредитора должна быть выражена «перед лицом суда». Иное, как отмечалось ранее, может привести к недопустимому формированию двух противоречащих друг другу состояний одного правоотношения – в процессуальном и материальном аспекте.

В предыдущей главе нами был сделан вывод о том, что передаваемое от cedента цессионарию право до момента вынесения судебного акта по существу основного спора является предполагаемым.

Отметим, что данный вывод применим также и к случаям перевода обязательства от правопреемника, который является ответчиком, к новому должнику. Действительно ли передаваемый долг имеет место быть, может установить только суд по итогам разрешения спора о праве между истцом и ответчиком. Поэтому ответчик может перенести на правопреемника только предполагаемое обязательство.

Однако, ситуация при которой истец передает предполагаемое право на основании договора уступки права требования отличается от ситуации, когда ответчик, заключая сделку по переводу долга, передает обязательство иному лицу.

При заключении договора уступки права с третьим лицом истец субъективно исходит из действительности такого права. Об этом говорит факт его обращения в суд за защитой такого права. По-другому обстоит дело с субъективной оценкой ответчика действительности предъявленного к нему обязательства. Если вынести за скобки возможную ситуацию с признанием иска, то правовая позиция ответчика заключается в отрицании существования предъявляемых к нему исковых требований. Возникает закономерный вопрос –

как можно передать отрицаемое тобой обязательство? Может ли само по себе заключение сделки по переводу долга расцениваться как признание иска?

В рамках существующей концепции оснований процессуального правопреемства, согласно которой процессуальное правопреемство хронологически разделено с материальным правопреемством и является его следствием, поставленная проблема не может быть разрешена. Замена может состояться только, если в ходе разрешения вопроса о процессуальном правопреемстве будет установлено, что заявленные исковые требования подлежат удовлетворению. Это снова возвращает нас к тезису о том, что действия ответчика по передаче долга равносильны признанию иска, что противоречит тем правовым намерениям, из которых исходил ответчик при заключении договора перевода долга.

Таким образом, перевод долга как предпосылка осуществления процессуального правопреемства и вступления в процессуальные отношения не исчерпывается передачей обязанности в материальных правоотношениях. Процессуальное оформление, таким образом, следует считать дополнительным действием, необходимым для перехода материального права (обязанности) как основания правопреемства в процессе.

Подводя итог вышесказанному, полагаем возможным сделать следующий вывод. Основаниями процессуального правопреемства являются не только те факты, которые легли в основание перехода прав и обязанностей в материальном правоотношении, но и в равной степени еще и элементы непосредственно процессуального оформления такого правопреемства – ходатайство о процессуальном правопреемстве, согласие истца на замену ответчика, определение суда об удовлетворении ходатайства о процессуальном правопреемстве.

§ 4. Теоретические подходы к определению оснований процессуального правопреемства

В предыдущих главах настоящей работы нами был проделан анализ существующего подхода к определению оснований процессуального правопреемства. Был сделан ввод о том, что концепция процессуального правопреемства, которая предполагает исключительно переход материального права или обязанности в качестве основания замены стороны в процессе имеет существенные противоречия.

Кроме того, было отмечено, что с того момента, когда права и обязанности становятся предметом рассмотрения суда, они становятся предполагаемыми. Сделки, объектом которых являются предполагаемые права и обязанности, отличаются от обычных материально-правовых сделок уступки права и перевода долга. В корпус таких сделок входит надлежащее процессуальное оформление перехода права или обязанности от правопреемника к правопреемнику.

Необходимо определить такой подход к определению оснований процессуального правопреемства, которых исключал бы обозначенные противоречия прежде всего в рамках сингулярного материального преемства.

Необходимость в разграничении оснований процессуального и материального правопреемства отмечалось еще в дореволюционной литературе. Так, К.П. Победоносцев писал: «По предъявлении спора, право судебного иска, даже основанное на обязательстве, допускающую одностороннюю передачу... хотя и может быть передано другому лицу, но ответчик вправе уклониться от судебного состязания с сим новым истцом, если передача учинена без согласия ответчика».²⁵

М.А. Гурвич отмечал, что «в этом указании нельзя не заметить некоторого смешения материально- и процессуально-правовых моментов, отсутствия отчетливой дифференциации гражданского и процессуального правоотношений. Процессуальное правопреемство поставлено под условие согласия ответчика не на это преемство, а на передачу права, хотя последняя действительно и без такого

²⁵ К.П. Победоносцев Судебное руководство. СПб, 1872. № 522

согласия и, несмотря на то, что никаких процессуальных последствий закон в зависимости от этого согласия не ставит».

М.А. Гурвич подчеркивал, что явление в виде перехода гражданского субъективного права или обязанности от одного лица к другому следует отличать от правопреемства в процессе, так как данные явления глубоко различны по своему юридическому содержанию. В подтверждение обозначенного довода ученый ссылаясь на то, что «право на предъявление иска как проявление общей процессуальной правоспособности, в отличие от материальных прав, не подлежит передаче и представляет собой личное правомочие, которое может принадлежать его носителю исключительно первоначально». Отсюда следует, что право на предъявление иска не подлежит передаче или переходу ни в универсальном, ни в сингулярно-преемственном порядке. Этим оно существенно отличается от гражданских правоотношений, которые за исключением строго личных, могут передаваться как на активной, так и на пассивной сторонах.²⁶

Необходимость разграничения оснований процессуального правопреемства от перехода прав и обязанностей в материальных правоотношениях отмечается также и в современной литературе.

Так, разрабатывая новый подход к основаниям процессуального правопреемства, Д.Б. Абушенко приходит к следующим выводам. Единственным основанием процессуального правопреемства, по его мнению, согласованное волеизъявление заинтересованных субъектов на замену стороны в процессе, а именно материального правопреемника, правопреемника и противоположной стороны. Суть предложенной концепции, как указывает автор, состоит в том, что «волеизъявлению указанных субъектов не просто придается значение, оно должно являться единственным юридически значимым фактом, который учитывается при замене процессуального правопреемника его правопреемником».²⁷

²⁶ М.А. Гурвич. Право на иск. М. : Изд-во АН СССР 1949.С.205-206.

²⁷ Д.Б. Абушенко Согласованное волеизъявление заинтересованных субъектов как основание процессуального правопреемства в цивилистическом процессе//Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 4-6. С. 18.

Д.Б. Абушенко выстраивает свой подход на следующем выводе: процессуальная замена в отсутствие согласия заинтересованных лиц грубо нарушает их интересы.

Предложенная исследователем концепция представляется спорной. Учет волеизъявления заинтересованных лиц является следствием вывода о том, что процессуальное правопреемство не имеет материально-правового основания. В то же время этот тезис не является аргументом, который бы доказывал необходимость разграничения процессуального правопреемства от материального.

Таким образом, несмотря на то, что тезис о том, что в основании процессуального правопреемства лежит не только материально-правовой переход прав и обязанностей неоднократно высказывался в литературе, в настоящее время исследователями так и не была разработана единая и непротиворечивая концепция к определению того, что является основанием процессуального правопреемства.

§ 5. Переход «процесса» как основание процессуального правопреемства

В предыдущих главах настоящей работы мы отметили, что на этапе разрешения вопроса о процессуальном правопреемстве невозможно определить действительно ли существуют передаваемые права или обязанности. Как невозможно определить и то, принадлежат ли они правопреемнику, участвующем в судебном споре.

Это значит, что предполагаемые права и обязанности не могут выступать в качестве предмета договора, заключаемого между правопреемником и правопреемником.

Попробуем выдвинуть тезис о том, что целью заключения договора является «переход процесса» от правопреемнику к правопреемнику для осуществления судебной защиты права, предполагаемым субъектом которого являлась первоначальная сторона.

Другими словами, такой договор является особой конструкцией, в соответствии с которым к третьему лицу переходят не предполагаемые права и обязанности, а переходит процесс.

Выдвинутый тезис является допущением, отличным от того подхода к определению оснований процессуального правопреемства, который закреплен в статье 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. При разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве суды руководствуются действующим законодательством. Поэтому на данный момент выдвигаемая нами концепция к определению оснований процессуального правопреемства не нашла своего отражения в практике судов общей юрисдикции Российской Федерации.

«Передача процесса» как основание замены лица в судебном разбирательстве может быть совершена только «перед лицом суда», что исключает отмеченные ранее противоречия между процессуальным и материальным состоянием правоотношения.

При таком подходе суд, разрешая вопрос о процессуальном правопреемстве, только констатирует замену стороны в процессуальных правоотношениях, но при этом не делает вывод о наличии или отсутствии у правопреемника спорного права или обязанности. Соответственно, это также исключает рассмотрение судом вопроса о том, стал ли правопреемник обладателем предполагаемых прав и обязанностей.

Заключая договор уступки права в ходе процесса, стороны нацелены на замену в гражданско-правовом обязательстве. Иначе говоря, такая сделка имеет своей направлена на замену субъекта материального права требования. Тем не менее, само право перейдет к правопреемнику только в случае вынесения судебного решения по существу основного спора между истцом и ответчиком об удовлетворении исковых требований. При таком подходе судебное решение о разрешении спора о праве будет выступать условием для дальнейшего перехода права.

Аналогичным образом, в том случае, если суд сделает вывод об отсутствии у истца права требования, и в удовлетворении иска будет отказано, переход права требования к правопреемнику так и не произойдет. Но важно отметить, что при таком подходе к разрешению вопроса о процессуальном правопреемстве всему

этому не будет предшествовать состоявшееся вне суда материальное правопреемство.

Сделка по передаче «процесса» по своей характеристике будет распорядительной – непосредственно она не порождает обязательства сторон и совершается только в момент процессуальной замены. Такая передача процесса отличается от передачи предполагаемого права тем, что не зависит от действительной принадлежности права или обязанности. Последующее процессуальное правопреемство происходит в результате замены стороны в процессе на основании волеизъявления правопредшественника и правопреемника. В том случае, если при рассмотрении вопроса о процессуальном правопреемстве возникнут возражения сторон сделки по уступке процесса, то замена стороны не будет произведена по причине отсутствия взаимной воли на совершение распорядительной сделки.

Таким образом, основанием для процессуального правопреемства будет распорядительная сделка, предметом которой будет выступать «процесс».

Заключая такой договор, первоначальная сторона в процессе заинтересована в том, чтобы перестать быть стороной спорного правоотношения. Интерес является собой возможность пользоваться теми или иными социальными благами при отсутствии права требовать от иных лиц соблюдения принадлежащего такому лицу интереса. Поэтому такой законный интерес следует отличать от субъективного права. Правопредшественник, участвующий в процессе, является лишь предполагаемым обладателем субъективного права (или обязанности) и в необходимом для передачи смысле не обладает ими.

В основе процессуального правопреемства лежит не материальное правопреемство, состоявшееся вне процесса, а переход от правопреемника к правопредшественнику законного интереса стать стороной судебного процесса. Иначе говоря, процессуальное правопреемство происходит не в результате перехода материальных прав и обязанностей, а в результате перехода интереса. С одной стороны, признаваемого и подлежащего защите, а с другой – не имеющего обязанного по такому интересу конкретного лица.

При заключении договора уступки «процесса» правопродшественник обладает статусом лица, участвующего в деле. Поэтому описываемое нами выше противоречие относительно невозможности передать по распорядительной сделке предполагаемое право ввиду необходимости наличия объекта распоряжения в момент заключения сделки разрешается. Первоначальная сторона при совершении распорядительной сделки передает имеющееся у нее право распоряжения «процессом».

Очевидно, что договор уступки «процесса» как основание процессуального правопреемства имеет специфический характер. Поставим вопрос: можно ли такую сделку признать недействительной и можно ли на нее распространить основания недействительности сделок, предусмотренные Гражданский кодексом Российской Федерации? Например, как поступить суду в случае, когда первоначальный истец уступает свой процессуальный статус иному лицу под влиянием угрозы? Или, наоборот, ответчик передает свое процессуальное положение, неправомерно воздействуя на волю третьего лица?

Представляется, что нет доводов, в соответствии с которыми к сделке по уступке «процесса» не применялись бы нормы о пороке воле при ее заключении. В этом смысле анализируемая сделка с точки зрения ее правовой природы не отличается от какого-либо иного порочного волеизъявления.

Важный вопрос, который следует поставить при анализе правовой природы договора уступки «процесса» как основания процессуального правопреемства состоит в следующем: возможно ли предъявление требований о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанности по передаче «процесса»?

Последний вопрос является особенно актуальным в случае, когда именно процессуальное поведение правопродшественника привело к тому, что в удовлетворении исковых требований после вступления в дело правопреемника было отказано. Например, это может быть непредставление необходимых доказательств или недобросовестное использование процессуальных прав.

Как отмечалось, важный тезис предложенной концепции процессуального правопреемства состоит в том, что уступка процесса совершается «перед лицом

суда». Говорить о неисполнении обязательства по передаче «процесса» как такового с этой точки зрения не представляется возможным.

Однако необходимо учитывать, что передача «процесса» в конечном счете связана с содержанием судебного решения, вынесенного по итогам рассмотрения основного спора. Итоговый интерес правопреемника заключается не столько во вступлении в процессуальные правоотношения, сколько в приобретении материального права или обязанности.

Можно ли применить понятие о ненадлежащем качестве к «процессу» как объекту договора уступки?

Ранее нами был сделан вывод о том, что право на «процесс» может быть передано независимо от того является ли первоначальная сторона действительным обладателем спорного права или нет. Если невозможность для правопреемника стать по результатам судебного разбирательства субъектом материального правоотношения расценивать как невыполнение первоначальной стороной процесса требований к качеству передаваемого «процесса», то мы будем вынуждены констатировать то, что надлежащее исполнение обязательства по передаче «процесса» будет находиться в зависимости от материального правопреемства. В этом смысле «некачественность» переданного процесса не связана с тем, является ли первоначальная сторона действительным субъектом спорного материального правоотношения.

Что касается ответственности первоначального лица в связи с передачей «процесса» *ненадлежащего качества* (курсив мой – Д. М.). Иначе говоря, в отношении которого было заведомо известно о несостоятельности правовой позиции. Нельзя не согласиться с тем, что применительно к «процессу» непросто определить критерии для «качества» – судебные дела сильно разнятся между собой с точки зрения объема и сложности. Однако не представляется правильным, не допускать возможности применения этой категории к процессу как объекту договора в принципе. В каждом конкретном случае подлежат установлению и оценке такие обстоятельства, как участие правопреемника в судебных

заседаниях, выполнение бремени доказывания с учетом имеющихся у него возможностей, заявление о необходимых ходатайствах.

В качестве последствий, которые наступают применительно к лицу, «передавшему процесс», не соответствующий «обычно предъявляемым требованиям по качеству», возможно применение общих мер гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков, понесенных процессуальным правопреемником в результате недолжного процессуального поведения правопреемника.

Наряду с распорядительной сделкой по «передаче процесса» заключается обязательственная сделка уступки права требования под отлагательным условием в виде вынесения судебного решения в пользу процессуального правопреемника. Распорядительная сделка будет совершена в момент наступления этого условия, то есть в момент принятия судебного решения об удовлетворении исковых требований. Аналогично можно охарактеризовать и перевод долга при процессуальном правопреемстве на стороне ответчика – такая сделка также совершается под отлагательным условием.

В.А. Белов отмечает, что осложнение сделки условием приводит к юридическим последствиям в виде секундарных прав и корреспондирующего им состояния юридической связанности. Уступка права требования, совершенная под отлагательным условием, не влечет прекращения этого права требования у cedentа и возникновения его у цессионария иначе как с момента наступления этого условия. До наступления этого условия cedent становится связанным бременем сохранения условно переданного права в надлежащем состоянии. Цессионарий же оказывается связанным необходимостью представления эквивалента за уступаемое право.²⁸

Что касается судебного решения, которое выступает в качестве отлагательного условия применительно к анализируемому договору уступки «процесса», то необходимо отметить следующие специфические особенности. С одной стороны, можно сделать вывод о том, что в период до наступления условия

²⁸ Белов, В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве – М.: ЮрИнфоР, 2000. – 138 с

цедент не связан необходимостью сохранения условно переданного права, так как судом еще не установлен факт принадлежности ему этого права в силу его спорного характера. В данном случае наступление отлагательного условия само по себе является подтверждением существования у cedента спорного права.

С другой стороны, можно поставить вопрос следующим образом. До осуществления процессуального правопреемства первоначальный истец позиционировал себя для третьих лиц в качестве обладателя спорного права. Об этом прямо свидетельствует его процессуальный статус. Поэтому по отношению к цессионарию первоначальный истец должен рассматриваться как субъект уступаемого права для целей решения вопроса об ответственности в случае дальнейшего отказа в удовлетворении иска ввиду отсутствия права у первоначальной стороны в процессе.

Как отмечалось выше, воля цессионария направлена то, чтобы по итогам процесса стать обладателем субъективного права. С этой позиции уступка права требования под отлагательным условием в ходе процесса ничем не отличается от ординарной цессии. Поэтому нельзя освободить cedента от ответственности исключительно на том, основании, что передаваемое право является предполагаемым. Полагаем, что в определенных случаях нельзя исключать того, что cedент обязан претерпевать негативные последствия передачи права, существование которого так и не было подтверждено судом. Необходимо оговориться, что для привлечения cedента к такой ответственности следует учитывать все обстоятельства переданного «процесса», реализацию своих процессуальных прав как правопродшественником, так и правопреемником, а также выводы, которые легли в основание отказа суда в удовлетворении исковых требований.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу о том, что действительным основанием процессуального правопреемства является передача «процесса» от правопродшественника к правопреемнику. Переход материального права и обязанности происходит при наступлении отлагательного условия. Таким отлагательным условием выступает судебное решение, вынесенное судом по

итогах рассмотрения спора о праве между истцом и ответчиком в рамках основного разбирательства, об удовлетворении заявленных исковых требований.

Основанием процессуального правопреемства не является состоявшееся вне суда материальное правопреемство.

Заключение

Регулирование процессуального правопреемства как сложного правового инструмента в современном законодательстве является поверхностным и недостаточным.

Ввиду того, что норма статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации о процессуальном правопреемстве не детализирована в необходимой степени, возникают многочисленные противоречия в судебной практике.

Вопрос о том, что является основанием процессуального правопреемства требует дальнейшей разработки на законодательном уровне путем поиска новых правовых непротиворечивых концепций замены стороны в процессе.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, институт процессуального правопреемства является бесспорной формой замены стороны. При рассмотрении заявления о процессуальном правопреемстве суд не обладает полномочиями по разрешению споров о праве. Иначе будет иметь место предрешение выводов суда по существу спора между истцом и ответчиком. В тоже время при решении вопроса о замене стороны в процессе суд не может не дать оценку тем юридическим фактам, которые послужили основаниями для материального правопреемства.

Во-вторых, существующий законодательный подход к определению оснований правопреемства, согласно которому в основании процессуального правопреемства лежит исключительно материальное правопреемство, должен быть пересмотрен. В силу неопределенности относительно действительности спорного материального права и обязанности принадлежности правопреемнику указанного права или обязанности на этапе рассмотрения вопроса о процессуальном правопреемстве не может быть установлена. Субъективное право или обязанность, являющиеся предметом судебного рассмотрения, не могут быть переданы вне процесса по договорам уступки права

или перевода долга. Как только объект гражданских прав становится предметом спора, оно приобретает характер спорного, а стороны процесса становятся предполагаемыми участниками спорных правоотношений. При наличии такого спора материальное правопреемство не может состояться вне процесса. Поэтому основаниями процессуального правопреемства являются не только переход прав и обязанностей в материальном правоотношении, но и дальнейшее оформление такого перехода в процессе.

В-третьих, основанием процессуального правопреемства является переход «притязания» от правопредшественника, участвующего в процессе, к правопреемнику. Если право внесено в процесс, то уступается процесс, а не право. Материальное правопреемство может быть совершено исключительно после вынесения судебного решения о присуждении процессуальному правопреемнику соответствующего материального права или обязанности.

Таким образом, существующий подход к определению оснований процессуального правопреемства, закрепленный в статье 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, заключающийся в том, что процессуальное правопреемство может быть осуществлено только на основании выбытия стороны из спорных правоотношениях вне процесса, содержит в себе противоречия. Это ведет к проблеме того, что надлежащие участники процесса не всегда могут быстро попасть в процесс. Для эффективной реализации задач процессуального правопреемства действующая концепция процессуального правопреемства должна быть реформирована: материальные основания замены стороны ее процессуальным правопреемником должны быть дополнены процессуальным оформлением такой замены.

Список использованной литературы

1. Законы и иные нормативно-правовые акты.
 - 1.1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ// Собрание законодательства Рос. Федерации. - 1994.- № 32.- ст.3031. - (с изм. и доп. на 31.01.2016).
 - 1.2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ// Собрание законодательства Рос. Федерации. - 2001.- № 49.- ст. 4552. - (с изм. и доп. на 01.07.2015).
 - 1.3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ// Собрание законодательства Рос. Федерации. - 2002.- № 46.- ст. 45322. - (с изм. и доп. на 01.01.2016).
2. Материалы практики.
 - 2.1. Определение Кировского районного суда города Ярославля по делу № 33-551/2011 от 10 января 2011 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
 - 2.2. Определение Ярославского областного суда по делу № 33-551/2011 от 31 января 2011 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
 - 2.3. Определение Верховного суда Республики Алтай делу № 33-671 от 20 августа 2014 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
 - 2.4. Определение Никулинского районного суда города Москвы по делу № 33-22422 от 01 апреля 2015 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
 - 2.5. Определение Заречного районного суда Свердловской области по делу № 33-7170/2015 от 25 мая 2015 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
 - 2.6. Определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда по делу № 33-7170/2015 от 18 июня 2015 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

2.7. Определение Московского городского суда по делу № 33-22422 от 26 июня 2015 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

3. Специальная литература.

3.1. Книги.

3.1.1. Бекленищева, И.В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции/ И. В. Бекленищева. – М.: Статут, 2006. – 114 с.

3.1.2. Белов, В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве/ В.А. Белов. – М.: ЮрИнфоР, 2000. – 288 с.

3.1.3. Белов, В. А. Договор перевода долга по российскому гражданскому праву/В.А. Белов//СПС «КонсультантПлюс» (25.03.2013).

3.1.4. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга первая: общие положения/М. И Брагинский, В.В. Витрянский. – 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2011.-847 с.

3.1.5. Викут М. А. Гражданский процесс: Курс лекций /Министерство общего и профессионального образования РФ. Саратовская государственная академия права.-учеб.изд.-Саратов, 1998.-336 с.

3.1.6. Гражданское процессуальное право: учеб./М.С. Шакарян [и др.]; под ред. М. С. Шакарян. М.: Проспект, 2007.-90 с.

3.1.7. Гурвич, М.А. Право на иск/М. А. Гурвич – М.: Изд-во АН СССР, 1949.- 216 с.

3.1.8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: Учебно-практический комментарий (постатейный)/А.П. Сергеев [и др.]; под ред. А.П. Сергеева.-М.: Проспект, 2010.-912 с.

3.1.9. Новицкий, И. Б. Общее учение об обязательстве/ И.Б. Новицкий Л. А. Лунц.- М.: Госюриздат, 1950.-416 с.

3.1.10. Победоносцев, К. П. Судебное руководство/К. П. Победоносцев.-СПб, 1872.-553 с.

3.1.11. Черепахин, Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву/Б. Б. Черепахин. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962.-161 с.

- 3.1.12. Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. – Спб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004.- 656 с.
- 3.1.13. Шмидт, С. Г. Отчуждение предмета спора во время судебного разбирательства (по праву Германии)/ С.Г. Шмидт//Иски и судебные решения: сборник статей.-М.:Стаут 2009.-362 с.
- 3.2. Статьи.
- 3.2.1. Абушенко, Д. Б. Согласованное волеизъявление заинтересованных субъектов как основание процессуального правопреемства в цивилистическом процессе/Д. Б. Абушенко//Арбитражный и гражданский процесс.- 2012.- № 4-6.
- 3.2.2. Агарков, М. М. Перевод долга/ М.М. Агарков// Право и жизнь. – 1923.-№ 3.- С. 25-26.
- 3.2.3. Васнев В.В. Уступка прав из обязательств, которые возникнут в будущем/В. В. Васнев// Право. 2008. N 5. С. 12 - 16.
- 3.2.4. Добролюбов И. И. Процессуальный порядок замены стороны её правопреемником/И. И. Добролюбов// Современные проблемы юридической науки (выпуск 5).- Новосибирск.- 2005.-С. 171 - 174.